

Цена 20 коп.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Литературная газета

ОРГАН СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ **В. БАГРИЦКОГО** А. БОЛОТНИКОВА.
М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛИВАНОВСКОГО, И. СЕЛЬВИНСКОГО,
М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСИЕВИЧ.

№ 121 (437)

10 СЕНТЯБРЯ 1934 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ЧЕХОВ И МИХАЙЛОВСКИЙ

В новейших чеховских юбилейных статьях снова пришлось встретить воспоминания о том, как Н. К. Михайловский враждебно встретил молодого Чехова, как предрек он ему гибель, как вообще обнаружил он крайнюю узость и критическую ограниченность. Эти укоры Михайловскому стали своего рода традицией, сложилась эта традиция первоначально в либерально-буржуазной литературе о Чехове, а потом перекочевала и в марксистскую.

Особенно резко укорял на этот раз Михайловского т. Валериан Полянский в статье «Антон Павлович Чехов», напечатанной в «Известиях» 15 июля. Он писал:

«Н. К. Михайловский встретил Чехова особенно сурово, заявив, что одним беспринципным писателем стало больше. Это суждение, однако, столь же сурово, сколь и непродуктивно... Михайловский так и умер, не поняв писателя, хотя и смягчив свой категорический приговор».

Тов. Валериан Полянский объясняет, почему Михайловский обнаружил такую слепоту. Все дело в народничестве Михайловского.

«...Михайловский, чтя народническую литературу за ее неприкрыто и резко выраженную общественную тенденцию, не разглядел за вниманием Чехова к обыденщине, к «мелочам жизни», за его лирической грустью и мягким юмором ни величия Чехова, ни его идейной устремленности».

Оставим в стороне вопрос, правильно ли излагает т. Валериан Полянский мысли Михайловского. Восстановим прежде всего в самых общих чертах ту общественную обстановку, в которой произошла первая литературная встреча Чехова с Михайловским. Время действия — 1888—1889 гг. Действующие лица — Чехов, молодой писатель, печатавшийся до сих пор свои маленькие рассказы и юморески в «Осколках» и в «Новом времени», и написавший теперь первую большую свою повесть «Степь». Момент в жизни Чехова — важнейший. Из ежедневной печати, притом весьма сомнительной и даже прямо грязной, Чехов пришел в толстый литературный журнал, в «Северный вестник». Там и встретил его в качестве одного из редакторов Н. К. Михайловский.

О Михайловском в наше время советский читатель в подавляющем большинстве знает только то, что это был выдающийся публицист-народ-

ник, который пытался задуть русским марксизм еще в колыбели. Это, конечно, так и есть, и в литературно-политическом облике Михайловского это черта важнейшая, основная. Но это не все, что можно сказать о Михайловском.

В 1914 г. Ленин в статье «Народники о Михайловском» дал исчерпывающую характеристику его. Ленин говорит, что никаким социалистом Михайловский не был, что весь его «социализм» был только фразой, что в философии он сделал шаг назад от Чернышевского и т. д. Но Ленин писал в этой статье, что «Михайловский был одним из лучших представителей и выразителей взглядов русской буржуазной демократии в последней трети прошлого века». Ленин признавал «величайшей исторической заслугой» Михайловского то, что «он горячо сочувствовал угнетенному положению крестьян, энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостнического гнета, отстаивал в легальной, открытой печати — хотя бы намеками — сочувствие и уважение к подполью, где действовали самые последовательные и решительные демократы-разночинцы, и даже сам помогал этому подполью».

Эта деятельность Михайловского была исторически особенно ценной как раз в ту эпоху, когда марксизм еще не выступил на открытую политическую сцену, когда в русской политической литературе еще господствовали настроения упадка, отречения от подполья, разброда интеллигенции. Это и были 80-ые годы. Печальная эпоха подходила к концу, когда Чехов встретился с Михайловским, тогда наиболее видным, наиболее авторитетным представителем левого, демократического лагеря.

По двум-трем замечательным фактам представим себе некоторых людей того времени.

В 1887 г., за год до вступления Чехова в «большую» литературу, Александр Ильич Ульянов вместе с товарищами своими был казнен за покушение на Александра III. В конце этого же года Владимир Ильич Ульянов исключен из Казанского университета за участие в студенческой сходке.

В 1888 г. группой «Освобождение труда» основан Русский социал-демократический союз. Ленин входит в казанский марксистский кружок Федосеева. В этом же году и в той же Казани Алексей Максимович Пешков участвует в народо-вольском круж-

ке Ромаса и уходит в деревню для революционной пропаганды.

Ленину в год встречи Чехова с Михайловским 18 лет, Горькому — 20, Чехов значительно старше, ему 28 лет, — все же по возрасту своему он как бы старший их брат. Они принадлежат в сущности одному поколению. Отцы и дети того времени — это Михайловский и Ленин, Суворин и Чехов. Борьба между «отцами» и «детьми» не заставляет себя ждать. Мы знаем, что за борьбой поколений была борьба классов, и Ленин прямым путем, Горький с некоторыми зигзагами прокладывали путь пролетариату в политику и литературу. Совсем по-иному складывались отношения между Суворинным и Чеховым, хотя борьба шла и здесь.

1888-89 гг. — важнейшая веха не только в литературной жизни Чехова. Это и важнейший момент в истории общественного развития России. Политическая и общественная реакция достигла предела своего. Начинается подъем. Среди лучшей части мелкобуржуазной интеллигенции и рабочего класса идут поиски нового пути. В семье Ульяновых старший брат еще народо-волец, но уже нового склада, младший брат — марксист. Они оба одинаково проникнуты революционной страстью. Конечно, семья Ульяновых в Казани — это лучшая, самая замечательная семья в России, но новых людей уже немало и в других местах. Именно в это время подрастает и формирует свои взгляды та часть интеллигенции, которая позже дает кадры для славной большевистской «старой гвардии». Михайловский среди этой интеллигенции пользуется огромным уважением как бывший редактор «Отечественных записок», хотя уже начинается тот критический пересмотр старых понятий, который вскоре приведет к полному крушению устоев народничества и к свержению самого Михайловского с его высокого пьедестала.

В те годы, когда еще никому не известный Ленин принимал участие в марксистском кружке Федосеева, еще никому не известный Горький — в народо-вольском кружке Ромаса, Чехов впервые стал известным широкому кругу читателей. Его рассказы в «Новом времени» создавали двойственное впечатление. Очаровывал талант, приводило в недоумение близкое и постоянное участие в самом презренном издании того времени. В 1888 г. еще жив был Салты-

ков-Щедрин. Он окрестил «Новое время» кличкой «Чего изволите?». Он беспощадно креймил Суворина, вносившего разврат беспринципности, подхалимства, талантливого ухарства в литературу. Суворин был очень талантлив. Его «Маленькими письмами» зачитывались. Он умело соединил в фельетонах своих литературный блеск с полной и принципиальной беспринципностью. Его политической задачей было оплевывание революции, для этого он издевался над либерально-буржуазной интеллигенцией, очень метко высмеивая ее дряблость, ничтожество, претенциозность. Суворин, повидимому, обладал и искусством личного обаяния. Чехов к нему привязался искренне, и уже тогда, когда ему стал ясен отвратительный облик «Нового времени», он все еще старался отделить Суворина от его газеты. Охлаждение между ними произошло значительно позже.

В 1898 г. Чехов переживал медовый месяц своего увлечения Суворинным и в хлесткости его суждений видел его независимость.

Михайловский читал рассказы Чехова в «Новом времени». Чехов был для него писателем не новым, когда поступила в редакцию журнала «Северный вестник» рукопись «Степи». Михайловский читал ее и в корректуре, читал с волнением, с увлечением, и хотя сдержанность и даже некоторая холодность Михайловского хорошо известна была писателям, но он-тут же, только прочитав корректуру, написал Чехову восторженное письмо. Писал старый, известный публицист и критик, глава школы, молодому, только еще начинающему себя пробовать в большой литературе писателю. Письмо Михайловского напечатано в сборнике, который теперь может почитаться библиографической редкостью, и читатель наш не посетует, если я приведу из этого письма сравнительно пространные выдержки.

«Я сейчас дочитал корректуру Вашей «Степи», — писал Михайловский, — и хочется мне сказать Вам несколько слов. Хотите обижайтесь, хотите сердитесь за это непрошенное письмо — мне все равно, потому что я слишком далек от мысли сделать Вам обиду. Читая «Степь», я все время думал, какой грех Вы совершили, разрываясь на клочки, и какой это будет уж совсем страшный, незамолимый грех, если Вы и теперь будете себя рвать. Читая, я точно видел силача, который идет по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая о ней, то росточек сорвет, то дерево с корнем вырвет, все с одинаковой легкостью и да-

же разницы между этими действиями не чувствует. Много Вам от бога дано, Антон Павлович, много и спросится. Сила — это само собой. Но сила бывает мрачная (Достоевский) и ясная (Толстой до своего повреждения). Ваша сила ясная, и в этой ясности ручательство, что злу она не послужит, не может послужить, за что бы Вы ни взялись, что бы ни задумали. Я был поражен Вашей неспорченностью, потому что не знал школы хуже той, которую Вы проходили в «Новом времени», в «Осколках» и пр. Потом понял, что иначе и не могло быть, — эта грязь не могла к Вам пристать. Школа, однако, сделала что могла, приучила Вас к обрывочности и к прогулке по дороге не зная куда и не зная зачем. Это пройдет, должно пройти, Вы будете не только не служить злу, а прямо служить добру. Само собой это выйдет, и тогда берусь предсказать Вам блестящую будущность. Но примите хоть к сведению советы человека, посевшего на литературе, — не возвращайтесь ни на минуту на тот путь, с которого сошли, погибнете там...».

В этом замечательном письме, пропущенном не только большой любовью к Чехову, но и большой тревогой за него, опасения Михайловского выражены в несколько общей и неопределенной форме. Он говорит о «зле», о «служении добру», однако это совсем не народнические формулировки. Это дань цензурной осторожности и еще дань «такту». Михайловский не хотел ставить прямо все точки над «и», хотя и писал с полной искренностью.

Чехов превосходно понимал, о чем идет речь. Он ответил письмом, которое подействовало на Михайловского, как ушат холодной воды. Чехов писал, что из «Нового времени» не уйдет и отношений с Суворинным не разорвет. Чехов писал, что нет у него определенной веры в «добро». Другими словами, Чехов дал понять Михайловскому, что не хочет он делать выбора между лагерем буржуазной демократии и лагерем либерально-реакционным, и что в «Северном вестнике» рядом с Михайловским и другими представителями передовой по тому времени литературы он может чувствовать себя так же свободно и независимо, как и в «Новом времени».

Второе письмо Михайловского звучит совсем по-иному: очень сухо, с нотками враждебности:

«Не скрою, что Ваше письмо меня огорчило, до чего Вам впрочем, конечно, дела нет. Я ничего не могу возразить против отсутствия в Вас определенной веры, — на нет и суда нет. Не считаю себя, разу-

меется, в праве касаться Ваших личных чувств к Суворину... Не индифферентны Ваши рассказы в «Новом времени», — они прямо служат злу».

Так окончилась попытка Михайловского открыть глаза Чехова на гнусную компанию, в которой он находился, на политическую роль, которую играло сотрудничество Чехова с Суворинным, и на развращающее влияние суворинской школы. Можно ли судить Михайловского за тревогу, которую он испытывал, видя, что новый огромный свежий талант блуждает в дремучем лесу? Можно ли укорять Михайловского за то, что он попытался толкнуть Чехова на ту дорогу, на которой находились в это время «младшие братья» чеховского поколения?

Нельзя сказать, что Чехов в это время, в эти важнейшие для всего его будущего развития годы, действительно никаких взглядов не имел, был действительно безразличен и к «добру» демократии и к «злу» реакции. Несколько позже, в 1891 г., Чехов так формулировал свои взгляды в письме к либеральному поэту Плещееву: «Фирму и ярлык я считаю предрасудком. Мое святая святых — это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода — свобода от силы и лжи, в чем бы последняя две ни выражались». Плещееву, конечно, эти слова очень понравились, — на то он и был покладистым либералом. Но разве не ясно, что в условиях того времени эта формула вопреки намерениям самого Чехова совпадала с суворинской платформой политической беспринципности?..

Критические статьи Михайловского о Чехове (в этом не трудно убедиться, просмотрев их) совпадали в основных своих мыслях с его письмами. В статьях то же признание огромного таланта Чехова, та же тревога за него, то же требование выбрать определенный идейный путь. Конечно, эти статьи были в очень многом спорны, они и вызвали спор, продолжавшийся в сущности до нашего времени. Тов. Валериан Полянский пишет: «О Чехове всегда спорили. Одни видели в нем большого и тонкого художника с проникновенным взглядом в глубины жизни. Другие, наоборот, считали его писателем легким, скользким по поверхности общественных явлений». Михайловский, на наш взгляд, правильно определял предмет спора. Он писал: «Чехов — большой талант. Это факт общепризнанный, но почитатели таланта г. Чехова делятся на две группы. Одни возводят своеобразную маверу его писания в принцип. В том безразличии и безучастии, с

которыми г. Чехов направляет свой превосходный художественный аппарат на ласточку и самоубийцу, на муху и слона, на слезы и воду, на красные и всякие другие цветки, они видят новое откровение, которое величают «реабилитацией действительности» и «пантеизмом»... Другие, напротив, скорбят об этой неразборчивой растрате большого таланта. Я принадлежу к числу этих последних. Высоко ценя большой талант г. Чехова, я думаю, что если бы он расстался со своим безразличием и безучастием, русская литература имела бы в его лице не только большого талант, а и большого писателя» (сочинения, т. VI, стр. 1044).

В этом литературном споре 80-х и начала 90-х годов борьбу за Чехова вели в общем две группы: мелкобуржуазная радикальная демократия, которую возглавлял Михайловский, и либеральная буржуазия, которую возглавлял в данном случае нововременец Суворин. Но ведь это была не только борьба за Чехова. Это был и спор по вопросу о роли общественного мировоззрения в творчестве писателя. Михайловский доказывал, что отсутствие определенного мировоззрения угрожает оскудением художественного творчества, и писателю надо разобраться в политических основных течениях и сделать свой выбор между «добром» и «злом». А Суворин, которого в этом вопросе поддерживала либеральная критика, поощрял безыдейность и политическое безразличие Чехова в интересах нововременского «парламента мнений».

Мы не занимаемся сейчас общей оценкой Михайловского как критика и согласны с тем, что в критической его деятельности было очень много ошибок и слабых мест, вытекавших из народнической его позиции, согласны и с тем, что Михайловский недооценил Чехова, но вот по этому вопросу о необходимости для Чехова стать ближе к политической действительности, разобраться в ней, разорвать с суворинским лагерем и его литературной школой, примкнуть к передовым кругам русской общественности в интересах художественной его работы вся правда была, конечно, на стороне Михайловского, и в суровости этого критика было больше любовного внимания, больше чуткости к молодому писателю, больше тревоги за его дальнейший путь, чем во всех славословиях буржуазно-либеральной и нововременски-реакционной критики, в их политической «терпимости». Однако либеральные укоры Михайловскому сложились в прочную буржуазную традицию, и очень странно, что традиция эта дожила до наших дней и без всякого критического пересмотра вошла и в нашу советскую критику.